

ПУТЬ ИЗ АДА*

Виктор Шкловский

“...я пойду вперед обратив тыл к ветру,
и пусть себе дует” (Предисловие к но-
веллам Четвертого дня)

Мне приходится делать небольшое *послесловие* к собственному докладу. Постараюсь избежать повторений. Буду говорить о противоречивости искусства и об единстве, которое лежит за противоречиями.

Много раз вспыхивал разговор о том, что близкий знакомый и редактор романов Достоевского философ Н. Н. Страхов сообщал о каком-то темно поступке Достоевского. Так как дело шло, если не о сплетне, а о разговоре, опровержение трудно.

Но сохранилось письмо Л. Толстого к Страхову. Оно напечатано в 66 тому Юбилейного издания Л. Н. Толстого. Толстой пишет: “Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что же! Результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы

* Questo breve testo ha una storia curiosa che riassumeremo così: nel maggio 1975 Šklovskij era sbarcato a Firenze con l'invito ad un convegno internazionale dedicato a Boccaccio dove aveva tenuto una originale conferenza. Poiché il testo della conferenza (che venne poi pubblicato negli Atti del convegno) presentava un passo controverso, la traduttrice (D. F.-B.) tramite un collega (allora ancora si usava così!) scrisse una lettera a Šklovskij perché egli stesso potesse fornire un chiarimento in proposito. Šklovskij inviò la risposta, ma, secondo il suo stile un po' futurista, questa non riguardava il passo oscuro, bensì le problematiche relative alle leggi che regolano l'arte sulle quali, per altro, lo stesso Šklovskij, sempre a Firenze, si era soffermato nel corso dell'intervista qui pubblicata.

узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее” (Письмо от 3 сентября 1892 г.).

Это вопрос с общим ответом.

Почему нам понятен и интересен мир рыцаря Дон Кихота Ламанчского, почему нам понятен мир героев греческих трагедий?

Мы связаны с этим людьми не только происхождением – генами, но и тем, что те обстоятельства, в которых мы находимся, связаны с той жизнью, которую создавали – в котором жили они.

Человечество многократно возвращается к тем же самым вопросам.

Сын флорентийского купца Джованни Боккаччо до сих пор понятен.

Он пишет о неоконченном.

Анна Каренина не принята в круг людей, в котором она жила; она отделена от своего сына, теряет любимого, кончает самоубийством.

В “Декамероне” в Четвертом дне есть две новеллы, связанные с судьбами женщин, ушедших из своего круга.

В предисловии к новеллам этого дня Боккаччо говорит о людях, спорящих о его славе, презирающих *басни*. Он говорит:

Но что сказать о тех, столь соболезнующих о моей славе, которые советуют мне озаботиться снисканием хлеба?... Пойди, поищи, не найдешь ли его в баснях! А между тем поэты находили его в своих баснях более, чем иные богачи в своих сокровищах. Многие из них, занимаясь своими баснями, прославили свой век, тогда как, наоборот, многие, искавшие хлеба более, чем им было надобно, горестно погибли (Декамерон(т. 1, стр. 384).

В глубине развивающегося, сомневающегося в себе человечества, в глубине изменяющейся нравственности заключается то, что до сих пор понятно.

В Первой новелле Четвертого дня рассказано о том, как Салернский принц убил любовника своей дочери за то, что она сошлась со слугой и посылает женщине в золотом кубке вырванное из груди любовника сердце. Дочь принца Гиспонта поливает сердце ядом и выпивает яд.

Отец плачет над умирающей дочерью. Она говорит ему только о могиле, просит об одном, чтобы ее “*тело легло открыто с его телом*” (стр. 400).

Она просит трагического признания брака.

В Девятой новелле Четвертого дня рыцарь убивает друга, с кото-

рым изменила ему жена и велит повару зажарить сердце: он дает жене съесть это хорошо приправленное блюдо и потом открывает тайну.

Жена говорит, что никакая другая пища не будет принята ею. С точностью редкой для новелл Боккаччо описано, что женщина стояла спиной к окну и что она разбилась, выбросившись из окна.

Муж убегает.

Люди замка и люди окрестностей подняв тела обоих, положили их в церкви, похоронили в общей гробнице и написавши их историю.

В обеих новеллах народ окружающих героев этих новелл, оправдывает их.

Искусство признает новую нравственность, новую любовь.

В искусстве будущее отбрасывает на сегодняшний день светлый отблеск.

Колеса поезда раздавили сердце Анны Карениной.

Но в письме к тетке своей Александре Александровне Лев Толстой с горькой иронией говорил, что он сам *удочерил* Анну.

Толстой, Достоевский, Чехов не только люди прошлого России, но и люди нашего времени.

Старая моя дуржба с Романом Якобсоном, который сейчас играет как бы роль принца среди структуралистов, для меня не прошла. Я знаю, что он лингвист, путеводитель. Но я знаю до глубины костей своих, что литература это не способ располагать слова, хотя оно создано словами.

Она сталкивает эпохи.

И дело не в том, что слова литературы общи с образами скульптуры и живописи. Это понимают и структуралисты, но медлят в понимании необходимости продолжения пути.

Дело не в том, чтобы придавать оценкам вид математических формул. Дело в том, что в литературе одновременно присутствует сегодняшний день и вчерашний – преодоленный.

Юрий Лотман трудолюбивый писатель, умеющий так длинно растолковывать метафору, что она становится скучной, не учитывает, что этот поэтический прием всегда двухзначный. Предмет, взятый для сравнения, окрашивает сравниваемый предмет.

Мы видим пересечение двух семантических линий. Плач и смех и обостренное чувство жизни у Боккаччо существуют одновременно и нераздельно. Его способ рассказывать – это не напоминание о старых сюжетах, а изменение их.

Я больше писатель, чем теоретик искусства, но я, как Дон Кихот, стоящий на страже у рыцарских доспехах, отстаиваю общую истину, общую славу искусства.

Оно не прошло.

Не надо распространять законы грамматики на область искусства, на надо разбирать и судить героев Достоевского по законам синтаксиса и этимологии.

В искусстве это разные стадии одного процесса.

Законы искусства едины: от первого осознания противоречий до углубления противоречий, до исследования через перепитии или приключения.

По моделям искусства человечество хочет построить свое будущее.

Оно по этим моделям судит настоящее.

Может быть это наш единственный судья.

У Боккаччо человечество во многих новеллах расстаётся с прошлым – со смехом. Это лучшее из расставаний, связанное, с *“наслаждением брачных соединений”* (т. 1, стр. 382).

Не будем упрощать свои работы и будем натягивать найденные истины для того, чтобы покрыть ими не исцеленные раны.

Мы живем в век войн и революций.

Не будем объяснять судьбу Маяковского, Хлебникова, Мандельштама, Есенина, на основании законов языка.

Стихи – тоже судьба.

Судьбы поэтов решались не по законам грамматики, а стихи близки к судьбе.

Я любил Маяковского и видел его любовь. Видел любовь Есенина.

Я не зову к тому, чтобы вернуться к биографическому исследованию творчества художника.

Не будем говорить, как исторические обстоятельства объясняют *“Божественную комедию”* Данте.

Поймем, как Данте вылезает из воронки ада, пределеваая круги и ступени того, что считалось прежде преступлением.

28 октября 1976 г.